

Александр И. Илиади

Киев

Этимологические заметки по славянской лексике. 6–12*

6. Отмеченная в моравских говорах чешского языка лексема *baliga* ‘выдумка, вымысел’ (Kott 9), насколько нам известно, еще не фигурировала в работах по славянской этимологии. Являясь рефлексом праславянского диалектизма **bal-iga*, образованного от той же основы, что представлена в глаголе **baliti* (: рус. диал. новг. *балить* ‘болтать’, *бáлить* ‘шутить, проказничать’, рязан. ‘разговаривать, болтать’; русские формы приведены по: ЭССЯ 1, 147), это слово воспроизводит дериват с непродуктивным формантом *-iga*. Ср. образования с этим же суффиксом, представленные в рус. диал. *вяза́га* ‘сухожилие из красной рыбы, связки, лежащие вдоль всего хребта’ (Даль 337) < **vez-iga* ~ **vezati* ‘вязать’ (ср. опорный компонент всего значения ‘связки’), псл. **čepiti* ‘зацепить’ ~ **čep-iga* (Sławski 1, 66). Семантика ‘выдумка вымысел’ хорошо согласуется с ‘болтать’, ‘разговаривать’, если рассматривать ее как развитие первоначального ‘болтовня’ (типологически ср. частое употребление в русской разговорной речи глагола *болта́ть* как синонима *выдумывать*).

Ценность чеш. *baliga* заключается еще в том, что оно свидетельствует о былом наличии в местном словаре соответствующего глагола, отсутствующего в современном чешском идиоме. Это еще одно подтверждение древности приведенной лексемы. Кроме того, как нам кажется, рассмотренный диалектизм косвенно свидетельствует в пользу выбора реконструкции **baliti*, а не **ba(d)liti* (?) (авторы ЭССЯ говорят о двойственности формы **baliti* / **ba(d)liti* (?) — ЭССЯ 1, 147), поскольку в противном случае ожидалось бы **badliga*. Таким образом, глагол и соотносимое с ним имя с высокой степенью вероятности могут быть отнесены к словообразовательному гнезду с базовым **bal-* (ср. **balaguriti*; это один из источников, на которые ориентируется этимология рус. диал. *балить*, *бáлить* — ЭССЯ 1, 147). То же можно сказать о рус. диал. *ба́лы* ‘росказни, пустой, забавный разговор, шутки, веселье, остроты’, укр.

* Продолжение. Начало см.: *Восточноукраинский лингвистический сборник*, Донецк 2002, вып. 8, с. 273–277 (1–5).

báli ‘разговоры, рассказы’, для которых реконструируется прототип **ba(d)ly* (мн. ч.) < и.-е. **bhā-dhl-ā* (ЭССЯ 1, 150).

7. Кашуб. *guldra* ‘незрелый овощ, в особенности незрелые вишни’ в кашубском этимологическом словаре соотнесено с пол. *gula* ‘шарообразная опухоль, нарост, шарообразное утолщение’. Авторы делают оговорку, что строение слова неясно и сравнивают кашуб. *guldra* с пейоративными именами, которые имеют конечный сегмент *-dra*, как, например, *lapzdra* ‘большая рука, лапа’ ~ *lapsa* ‘т. с.’ (Boryś, Popowska-Taborska 230). Соглашаясь с мыслью о связи *guldra* с лексемами, которые имеют семантику ‘выпуклость’, ‘утолщение’, вместе с тем считаем, что структура рассматриваемой лексемы не имеет отношения к пол. *gula*. Кашубская форма может быть непротиворечиво истолкована как репрезентант псл. **gǫldьra* — производное с суффиксом *-ьr-* (< и.-е. *-uro-* ~ лит. *-uras*; см.: Ślawski 2, 27) от основы **gǫld-*, которая иллюстрирует ступень редукции и.-е. **gel-* ‘нечто шарообразное, комок; сжимать, стискивать’, расширенного *d-*детерминативом (реконструкции базового **gǫld-* посвящена специальная литература, см.: Шульгач 110–111). Показательно и то, что, по наблюдениям специалистов, указанный формант вычленяется в группе лексем со значением выпуклости, пучка (Ślawski 2, 27). В принципе, приведенная выше этимология не исключает позднейшего формального сближения *guldra* с рядом лексем, содержащих конечную группу *-dra*. Нет препятствий для выведения *guldra* из **gǫldьra* и со стороны исторической фонетики кашубского языка: праславянская форма, построенная по образцу *tǫlt*, должна была закономерно реализоваться тут как **goldra*, которое, в свою очередь, развилось в *guldra*, как это было в случае с гидронимом *Culpyn*, 1342 г. (озеро под Гданьском), в более древних документах упоминаемым как *Colpin*, *Cholpin*, 1283 г. < псл. **kǫlьrь* (Łorentz 108; с замечанием о том, что такая рефлексация свойственна северо-восточным кашубским и некоторым другим говорам Поморья).

8. На территории смоленских говоров русского языка В. И. Далем было записано слово *багáнь* ‘какой-то добрый и злой дух, покровитель скота’ (Даль 35), которое, принимая во внимание переход *o > a* в безударной позиции, логично определять как вторичную форму относительно **боган*. Указанная лексема имеет точные соответствия в других частях восточнославянского ареала, ср. блр. диал. *бугáн* ‘в старых поверьях дух-защитник домашнего скота, оберегающий его от болезней и особенно помогающий при болезнях’, укр. диал. *баган* ‘божество, которое заботится о домашнем рогатом скоте, оберегает его от болезней, а когда разгневадается, делает самок бесплодными или умерщвляет ягнят и телят во время их рождения’ (материал взят из: Карпенко 183: автор определяет формы как рефлексy **bьlganь* с абсорбцией *л* и региональной реализацией *ь*; см. ниже). При этом белорусский пример демонстрирует повышение степени лабиализации первоначального *o* и закономерный его переход в *y* под влиянием предшествующего губного.

Таким образом, все три слова выступают вторичными вариантами восточнославянского **боган*. Это последнее формально как будто соотносится с дериватами от славянского **bogъ* 'бог', но в таком случае остается не совсем ясной словообразовательная семантика суффиксального элемента (что он подчеркивал?), и к тому же само значение слова несколько выделяется на фоне семантики производных от **bogъ*. В частности, по данным ЭССЯ (2, 157–163), все они имеют четко очерченный смысловой диапазон 'богач', 'обогащаться', 'богатство', 'изобилие'. Здесь нет и намека на использование столь важного религиозного термина как **bogъ* для обозначения не высшего божества, абсолюта, а какого-то низшего персонажа демонологического пантеона. Сомнительным выглядело бы и предположение, что одно из производных от **bogъ* было специально введено для табуистического названия какого-то духа. Такая нивеляция религиозного значения наблюдается только в нескольких употреблениях **bogyni* как 'гадалка, колдунья' (ЭССЯ 2, 163), но при этом параллельно мы имеем и основное 'богиня', чего нет в **боган*.

Можно было бы предположить, что речь идет о древнем заимствовании какого-то суффиксального производного из иранского, который, по одной из версий, послужил источником слав. **bogъ* (в ЭССЯ 2, 161 приведены две равноправные этимологии слова как исконного и заимствованного). Однако в новом этимологическом словаре иранских языков среди дериватов от праиранского **bag-* (~ и.-е. **bhag-* 'определять долю') ничего подобного не находим (см.: Расторгуева, Эдельман). Поэтому допустимо говорить об отражении в русском диалектизме особого псл. **boganъ*, вероятно, унаследованного еще со времен индоевропейского диалектного состояния и осмысленного как собственно славянское производное на *-анъ*. Этим и объясняется семантическая „пустота” формантной части. Т. е. вполне возможно, что здесь мы имеем дело с реликтовым и.-е. **bhāg-ān-*, принадлежащим к тому же типу древних образований, что и **pl̥t-ana* (> хет. *paltana* 'плече жертвенного животного' ~ гр. *ὄμο-πλάτη* 'лопатка, поверхность плечевой кости' — ESJS 656). Указанная производная форма соотносима с **bhāg-* 'делить', 'наделять', 'получать долю', что, в общем, хорошо согласуется со смыслом **боган*, которое, очевидно, сохранило отпечаток старого (до того, как **bog-* стало обозначать собственно верховное божество) употребления **boganъ* как названия какой-то хтонической силы, покровительствующей скоту, от которого во многом зависело благосостояние хозяев (фигурально — 'наделяющая богатством').

В принципе, возможна иная этимология *баган*, *буган*, а именно — рассмотрение их как репрезентантов **bylg-anъ* ~ и.-е. **bhel-* 'надуваться; нечто выпуклое' в ступени редукции с расширителем *-g-*. Это предполагает включение приведенных выше слов в группу континуантов **bylganъ*, описанных в исследовании Р. М. Козловой: рус. диал. *баган* 'очень высокий', укр. диал. *болгане* мн. ч. 'большие камни' и под. (касательно утраты *l* в позиции перед *g* ср. еще

укр. диал. *богун* ‘желудок животного’ при рус. диал. *болгунок* ‘годовалый теленок’ < **bьlg-унъ*; см.: Казлова 52; без указанных слов). Так и поступает О. П. Карпенко, анализируя группу лексем, восходящих к основам **bolg-* / **bьlg-* (см.: Карпенко 183).

9. Рус. диал. курск. *ачирябать* ‘оцарапать’ (Халанский 363), если рассматривать его как вторичный фонетический вариант (с переходом этимологического *e* > *и* в безударной позиции) относительно **очерябать* (< **черябать*), целесообразно определять как префиксальную параллель к реконструированному в специальной литературе **ko-reḡbati* (: рус. диал. *карябать*, *корябать* ‘царапать’, ‘сильно чесать’, ‘делать надрезы на деревьях’, ‘ломать, крушить, портить’ — ЭССЯ 11, 68), т. е. **če-reḡbati* ~ **rḡbiti*.

10. В группе диалектов русского языка зафиксирована интересная лексема (беломор.) *братыня* ‘род большого ковша, которым разносят пиво для гостей’ (Федоров 210), *братыня*, *братина* ‘медная с носочком кубастая чаша, назначаемая для подношения пива гостям’ (Грандильевский 103), (арханг., вологод., новг.) *брáтыня*, *братыня* ‘большой металлический или деревянный сосуд, обычно с носиком, для пива или браги’, *братынь* ‘большая чаша’, ‘большой металлический или деревянный сосуд, обычно с носиком, для пива или браги’, (псков., твер.) *брáтина*, *братина* ‘кружка, бокал для питья’ (СРНГ 3, 158, 164). Как нам представляется, это достаточно старое производное с формантом *-унь* от основы причастия (pass. perf.) на *-t-* от **bьrati* ‘брать’, ‘нести’, т. е., учитывая архаику словообразовательного типа, вполне возможно восстановление псл. **bьратунь*. Фактически — ‘то, чем берут, черпают жидкость, разновидность ковша’. Формы на *-ина*, возможно, являются следствием позднего переосмысления первоначального деривата на *-ынь* под влиянием слов с более распространенным и продуктивным суффиксом *-ин-*. Это могло произойти уже после того, как в определенном идиоме модель на *-ынь* омертвела.

Несмотря на непривычность для носителей литературного языка причастия на *-t-* от глагола **bьrati* („нормативным”, привычным считается вариант на *-n-* вроде *сó-бран*, *отó-бран* и др.), это все-таки живая в диалектной речи форма. Дело в том, что системе славянского причастия вообще свойственны дублетные, параллельные партиципийные формы, образуемые от одной и той же глагольной основы. Просто варианты с суффиксом *-t-* зачастую сохраняются в связанном виде в основах существительных, ср.: рус. диал. арханг. *брáнный* ‘тканый из отобранной лучшего качества кудели (о домашнем холсте)’ (СРНГ 3, 150) при рус. диал. костром. *бра-т-óк* ‘покупатель’ (Даль 126), укр. диал. *брá-т-ка* ‘взятка (при игре в карты)’ (ЕСУМ 247) и др. при равноправном их статусе в сербско-хорватском, ср. *клáти* ‘колоть’ > *клáн*, *клáт*, *слáти* > *слáт* при рус. *пó-слан*, *отó-слан* и т. п.

В самом же факте деривации названия кухонной утвари, предмета при помощи которого осуществляется действие, деятеля (ср. выше *братóк*) (т. е.

слова с активной лексической семантикой) от причастия страдательного залога (т. е. с пассивной грамматической семантикой) нет никакого противоречия: это пример функционального медия, о чем уже говорилось в специальной литературе (см.: Трубачев 425).

11. Слвн. *резьян*. [*brikin'a*] 'чародейка, колдунья' (nom. pl. *brikin'e*) (Бодуэн де Куртене 207) возможно рассматривать как позднейшую форму, отражающую: а) замену этимологического анлаутного *v-*, вызванную действующим в словенских диалектах бетацизмом (совпадение *v* и *b* в *b*); б) переход *ě* в *i*, как и в случаях вроде (**žerbьсь* ›) **žrěbьсь* › (Прекурье) *žrěbєc* при наличии в другом говоре *shribetu* (Ramovš 71). В итоге выходим на исходное псл. диал. **vrěkyni* — производное с формантом *-yni* от основы и.-е. **urē-k-* ~ **uer-* 'говорить, сказать'. Славян. **vrěk-* связано на основе качественного чередования с гот. *wrōhs* 'обвинение, жалоба', восходящим к и.-е. **wrō-k-*; в отношении семантической эволюции 'говорить' › 'волшебник, колдун', ср. ц.-сл. *врачь* 'врач (заговариватель)', 'волшебник, чародей, колдун', иллюстрирующее другую ступень вокализма указанной основы (примеры даны по: Walde II, 283) < **vьr-acь*.

12. Старославянская лексема *оуѣма* 'то, во что заворачиваются, облачение, одежда' Ф. Миклошичем отнесена к дериватам с формантом *-mь*; основу исследователь определил как *us-* без указания значения (Miklosich 233). По всей видимости, это рефлекс еще одного диалектно ограниченного слова, для которого реконструируется прототип **usna* < **udsna*. Последний воспроизводит индоевропейскую основу **audh-sn-*, представляющую собой производное с суффиксом *-sn-* (ср.: **basнь* ~ **bajati*, **vasнь* ~ **vaditi se*; Slawski I, 118) от детерминативно расширенного **au-* 'вязать, плести, заплетать; вить; ткать', т. е. от **au-dh-* (: лит. *áusti*, *áudžiu* 'ткать'). На этот же этимон обычно ориентируется генезис рус. *услó* 'начатая ткань' (Walde I, 16; Фасмер 171), которое квалифицируется как образование с формантом *-slo* (Фасмер 171: **ud-slo*). Таким образом, это варианты формы с суффиксами *-klo-/sn-*.

Что же касается исторически засвидетельствованного облика *оуѣма* с *m* на месте предполагаемого *n*, то этот факт объясняется тем, что лексема достаточно рано испытала влияние структурной аналогии производных с формантом *-ьма* (ср. **věd-ьма* ~ **vědati*). Причиной этой аналогии могла быть дестимологизация, открывающая дорогу для всевозможных формальных сближений, искажающих первоначальное звучание слов. Кроме того, славянской фонетике вообще свойственна такая черта, как мена носовых сонантов.

Библиография

Бодуэн де Куртенэ — Бодуэн де Куртенэ И.А., *Резьянский словарь*, под редакцией Н.И. Толстого, [в:] *Славянская лексикография и лексикология*, Москва 1966, с. 183–226.

Грандильевский — Грандильевский А., *Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор*, „Сборник Отделения русского языка и словесности” 1907, т. 83, № 5, с. 1–304.

Даль — Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 1955, т. 1.

Казлова — Казлова Р.М., *Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд*, Гомель 2000, т. 1.

Карпенко — Карпенко О.П., *Етимологічні спостереження над східнослов'янським балагán / бологán*, [в:] *Студії з ономастики та етимології*, 2005, Київ 2005, с. 176–189.

Расторгуева, Эдельман — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И., *Этимологический словарь иранских языков*, Москва 2003, т. 2.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*, под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Соколова, Ленинград–Санкт-Петербург 1966–2003, вып. 1–37.

Трубачев — Трубачев О.Н., *Мысли по поводу новой книги: Leszek Moszyński. „Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft”*, Böhlau Verlag, Köln; Weimar; Wien, 1992, [в:] Трубачев О.Н., *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*, Москва 2003.

Фасмер — Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, Москва 1987, т. IV.

Федоров — Федоров А.И., *Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах*, [в:] *Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А.А. Жданова. Очерки истории языка*, Ленинград 1960, с. 185–222.

Халанский — Халанский М.Г., *Народные говоры Курской губернии (заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии)*, Санкт-Петербург 1904.

Шульгач — Шульгач В.П., *Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції)*, Київ 1998.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праслав. лекс. фонд*, под ред. О.Н. Трубачева, Москва 1974–2005, вып. 1–31.

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови. В 7 томах*, за ред. О.С. Мельничука, Київ 1982, т. 1.

Boryś, Popowska-Taborska — Boryś W., Popowska-Taborska H., *Słownik etymologiczny Kaszubszczyzny*, Warszawa 1997, т. II.

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, hl. red. A. Erhart, Praha 2002, č. 11.

Kott — *Třetí příspěvek k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologický*, Sest. F.Št. Kott, Praha 1906.

Lorentz — Lorentz F., *Gramatyka pomorska*, Wrocław 1958, t. I, cz. 1: *Fonetyka*.

Miklosich — Miklosich F., *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, Wien 1875, Bd II.

Ramovš — Ramovš F., *Historična gramatika slovenskega jezika*, II: *Konzonantizem*, Ljubljana 1924.

Sławski — Sławski F., *Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego*, [w:] *Słownik prasłowiański*, pod red. F. Sławskiego, Wrocław etc. 1974–1976, t. I–II.

Walde — Walde A., *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, Berlin und Leipzig 1927–1930, Bd I–II.

SUMMARY

The article is devoted to the etymology and reconstruction of some Slavic dialect words (Cheh. *baliga*, Kashub. *guldra*, R. *bagan*, *cheriabat*, Old-Bulg. *usma*). The analysis of these allows reconstruction of Old Slavonic lexical units that have manifestly dialect specifics.